

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2₍₁₉₎
ОСЕНЬ — ЗИМА
2013

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- «Хилйат ал-куттаб» («Талисман для *катибов*»): секреты мастерства средневековых *катибов*. Вступление, перевод с персидского яз. и комментарии *Б.В. Норика* 5
- «Диван» курдского поэта Джафаи (XIX–XX вв.) на диалекте горани. Транскрипция текста, образцы перевода *З.А. Юсуповой* 18
- Тангутский погребальный обрядник из собрания тангутского фонда ИВР РАН. Предисловие и перевод *К.М. Богданова* 44

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.Л. Хосровев*. Еще раз о ПᲚᲠᲟᲚ (ЕвИуд) 33.18–21) 56
- Р.В. Ким*. Логии в синоптических Евангелиях. Постановка проблемы 62
- А.Б. Куделин*. «Коллективный иснад» как фактор композиции «Жизнеописания Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама 75
- М.М. Юнусов*. Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди I. Пальмирские тексты в Риме в XVI в.: кардиналы-меценаты и ученые-антиквары 100
- М.Е. Кравцова*. О семантике названия трактата «Вэнь синь дяо лун» Лю Се 126
- И.С. Гуревич*. «Сутра Шестого Патриарха»: ресурсы грамматической стилистики 137
- С.Л. Невелева*. Древнеиндийский эпос «Махабхарата»: некоторые особенности содержания 148

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- А.К. Муминов*. Списки «Ката'иб а'лам ал-ахйар»: новые сведения для биографии и творчества Махмуда ибн Сулаймана ал-Кафави 159
- Ф.О. Нофал*. К вопросу о «конфессиональной» коранической текстологии: между «буквой» и «[вариантом] прочтения» 177
- М.С. Пелевин*. Топонимика и локализация действия в афганской племенной хронике (XVII–XVIII вв.) 182

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2013

	<i>И.Н. Медведская.</i> Копьеносец из Сялка: прямоугольные щиты на Древнем Востоке	192
	<i>Чжан Хуэймин.</i> Изображение горы Утайшань в пещере № 61 и его отражение в тексте «Оды горе Утайшань» (на французском языке)	203
	КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ	
	<i>С.М. Якерсон.</i> Еврейская средневековая книга в форме свитка. К постановке проблемы научного изучения	233
	<i>Валравенс Хартмут.</i> Японские книги из коллекции Вильгельма Грубе, приобретенные им в 1897–1898 гг. (на немецком языке)	240
	<i>Пэн Сян-цзянь, Ю.С. Мыльникова.</i> Китайское тангутоведение в начале XXI века	257
	НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
	<i>М.М. Юнусов.</i> Чтения, посвященные памяти О.Д. Берлева	266
	<i>И.Ф. Попова.</i> «Сергей Федорович Ольденбург — ученый и организатор науки». Международная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения академика С.Ф. Ольденбурга	271
	<i>И.В. Базиленко.</i> Международная конференция «Средний Восток в годы Второй мировой войны. К 70-летию Тегеранской конференции (28.11.1943 — 01.12.1943)»	276
	<i>Д.А. Носов.</i> Международный конгресс «Фольклор монгольских народов: историческая действительность» (Элиста, Калмыкия, 2–5 октября 2013 г.)	279
	<i>М.А. Редина.</i> Конференция, посвященная 85-летию чл.-кор. РАН, д.и.н. М.А. Дандамаева	282
	<i>А.В. Зорин, А.А. Сизова.</i> Вторые петербургские тибетологические чтения	284
	<i>А.И. Колесников, О.А. Воднева, З.А. Юсупова.</i> Международная конференция «Чтения памяти В.Ф. Минорского (1877–1966): Источниковедение и историография стран Ближнего и Среднего Востока»	287
	<i>И.В. Кульганек.</i> XIII Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие»	292
	<i>И.В. Базиленко.</i> Международная конференция «Династия Романовых и Восток. (К 400-летию Дома Романовых)»	295
	<i>К.Г. Маранджян.</i> Международная конференция «Азия и японская идентичность»	300
	<i>Т.В. Ермакова, Е.П. Островская.</i> Седьмые Всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга	303
	<i>С.Л. Бурмистров.</i> 30-я конференция по философской компаративистике «Компаративная история философии как научное познание и художественное творчество».	306
	РЕЦЕНЗИИ	
На четвертой сторонке обложки:	Наука и буддизм: материалы научной конференции с участием иностранных ученых (Улан-Удэ–Байкал: 6–8 июля 2012 г.). Сборник докладов / Гл. ред. Б.В. Базаров / Учреждение РАН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии». — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2012. — 304 с. (<i>И.В. Кульганек</i>)	310
Тангутский погребальный обрядник инв. № 4084 (к статье К.М. Богданова)	Монголика-Х: Сб. ст. / Ред. колл.: И.В. Кульганек (председатель), Л.Г. Скородумова, Н.С. Яхонтова — СПб.: Петербургское Востоковедение. 2013. — 144 с. (<i>М.П. Петрова</i>)	313
Над номером работали:	<i>Michail Rodionov, Hanne Schönig.</i> The Hadramawt Documents, 1904-51: Family Life and Social Customs under the Last Sultans. Beirut, Ergon Verlag Würzburg, 2011. — 342 p. (Beiruter Texte und Studien. Hrsg vom Orient-Institut Beirut. Bd 130) (<i>И.В. Герасимов, О.Б. Фролова</i>)	315
Т.А. Аникеева	<i>А.И. Колесников.</i> Сасанидский Иран: История и культура. СПб.: Нестор-История, 2012. — 520 с. (<i>Ю.А. Иоаннисян</i>)	319
Г.Е. Ковтунович	IN MEMORIAM	
А.А. Ковалев	Александр Степанович Мартынов (1933–2013) (<i>И.Ф. Попова</i>)	322
О.В. Мажидова		
О.В. Волкова		
А.Е. Танчарова		
Е.А. Пронина		
© Российская академия наук, 2013		
© Институт восточных рукописей РАН, 2013		

С.Л. Бурмистров

**30-я конференция по философской компаративистике
«Компаративная история философии как научное познание
и художественное творчество»**

(Санкт-Петербург, 22 ноября 2013 г.)

В рамках Дней философии в Санкт-Петербурге 22 ноября 2013 г. на философском факультете СПбГУ прошла 30-я конференция по философской компаративистике «Компаративная история философии как научное познание и художественное творчество», организованная научным центром философской компаративистики и социогуманитарных исследований философского факультета СПбГУ. Руководитель конференции — д.филос.н., профессор кафедры истории философии философского факультета СПбГУ А.С. Колесников, ученый секретарь — д.филос.н., в.н.с. Института восточных рукописей РАН С.Л. Бурмистров.

На конференции было представлено более 30 докладов. В качестве докладчиков и гостей конференцию посетили представители ряда крупнейших научных центров России, Украины и Белоруссии.

Открыл конференцию проф. А.С. Колесников с докладом «Компаративная философия: наука и искусство». Он отметил, в частности, что невозможно заниматься ни философией, ни историей философии, оставаясь только в рамках западной философской культуры, и следует учитывать, что в других культурах (индийской, китайской и др.) философия развивалась своими путями. Современная философия предполагает, что все философские традиции в той или иной степени пересекаются друг с другом, что и делает возможными не только философскую компаративистику, но и саму философию как некий единый комплекс интеллектуальных практик, принципиально одинаковый во всех цивилизациях. Специфической чертой современной культуры — и это хорошо заметно по особенностям философии на современном Востоке, — стал интенсивный поиск новых форм и стратегий самоидентификации. Это касается и отдельного человека, пытающегося определить свое положение в изменяющемся обществе, и этноса, ищущего свое место среди других этносов, и других общностей. В наше время едва ли не каждый народ заявляет претензию на обладание собственной, самобытной философией, и это ставит перед философами вопрос — а что такое вообще сейчас философия? Обобщение философского «опыта» разных культур требует при этом, естественно, известной гибкости и учета разных представлений о сущности философии и разных моделей философствования. На все это накладываются еще и новые технологии производства субъективности через средства массовой коммуникации — телевидение, Интернет и пр., и это требует включения нового коммуникативного опыта в сферу философии наряду с традиционными, более привычными нам академическими формами философствования.

Большую дискуссию вызвал доклад д.филос.н., профессора кафедры философии Курского государственного университета А.В. Дьякова «История философии и современность: о трансформации статуса философии». В наше время, сказал А.В. Дьяков,

история философии оказалась в какой-то мере в ситуации классического double bind, хорошо описанного еще Г. Бейтсоном: ее оттесняют на второй план, требуя от философии в первую очередь построения целостных философских систем, способных дать целостное объяснение месту человека в обществе, и в то же время от нее ожидают, что она заменит собой философию *per se*.

Проблеме взаимопонимания между разными культурами на уровне философского мышления был посвящен доклад д.филос.н., профессора Московского авиационного института В.В. Кравченко «Отражения произведений Вл. Соловьева в зарубежной мысли: традиции, тенденции, трудности перевода». Даже в русской философской мысли, стоящей ближе всего к западноевропейской и американской, есть множество особенностей, делающих адекватный перевод философского текста с русского языка задачей чрезвычайно трудной. Например, тонкое, но в некоторых текстах русских философов очень важное различие между *реальностью* и *действительностью* может быть адекватно переведено на немецкий язык (*Realität* и *Wirklichkeit* соответственно), но не на английский или французский, в которых этим словам соответствует только одно (соотв. *reality* и *réalité*). Тем более серьезной становится эта проблема, когда речь идет о текстах философов Индии или Китая, где значение каждого термина требует сложной реконструкции.

Исключительно интересный доклад о категориальном творчестве в древнекитайской философии представил к.филос.н., доцент Дальневосточного федерального университета Д.В. Конончук. Китайская мысль европейцами порой воспринималась как чрезвычайно «приземленная», конкретная и неспособная подняться над предметной реальностью, возвысившись до сферы абстрактных понятий. Такой точки зрения придерживался, в частности, Гегель. В «Лекциях по философии истории» он писал, что в той сфере китайской культуры, которая европейцами воспринимается как наука, отсутствует самая фундаментальная черта науки как таковой — свободная и подлинный научный интерес. Китаец, по его мнению, слишком привязан к конкретным фактам и слишком пренебрегает абстракциями. Однако такой взгляд на китайскую культуру обусловлен полным ее непониманием, причина которого — незнание китайского языка и знакомство с трудами китайских философов только по переводам (причем чаще всего — по плохим переводам). Западный термин «категория» обычно переводится на современный китайский язык биномом *фаньчоу*, где *фань* означает «правило, закон; плавить, лить, отливать из металла», а *чоу* — «пашня, нива, межа, граница, род; распределять, распланировать». Иными словами, *фаньчоу* означает нечто, что было отлито в некую жесткую и неизменную форму и разделено на отдельные части. Такое восприятие реальности свойственно главным образом западной философии. Философ здесь — это, если угодно, «человек в башне из слоновой кости», который до известной степени оторван от мира и, пребывая в этой своей башне, с ее вершины может обозревать мир и разделять его на регионы, части, страты. Такой взгляд на мир предполагает даже своего рода насилие над реальностью, которая предстает как пассивный объект интеллектуальных манипуляций философа. Древнекитайская же философия использовала для описания реальности термин *мин* «имя, название, слово, существительное, репутация; давать имя, классифицировать». Все фундаментальные понятия китайской философии — *Дао*, *дэ*, *жэнь*, *ли*, *и* и т.д. — суть лишь такие «имена» (*мин*). Когда Конфуций говорил об «исправлении имен» (*чжэнь мин*), то фактически имел в виду именно исправление того, что представляет западной культуры назвал бы понятиями или категориями. При этом сам иероглиф *мин* состоит из двух компонентов, означающих «рот» и «вечер». С этой точки зрения имя (*мин*) — это то, что говорится в ночной темноте, когда мы слепы, и только имя

может осветить нам реальность. Древнекитайский философ не пытается определить понятие (в буквальном смысле слова — дать ему пределы, указать, где заканчивается то множество вещей, которое подведено под данное понятие). *Мин* проливает свет скорее на отдельные аспекты понятий или их использование. Школа *мин-цзя* наглядно показала невозможность спекулятивного подхода к проблеме категорий или, по крайней мере, его ограниченность. Сама континуальность реального мира не может быть загнана в жесткую сетку категорий, разработанных западной философией, и китайская философия поэтому ухватывает те аспекты реальности, которые ускользают от европейской мысли.

Китайской философии был посвящен и доклад преподавателя гимназии «Петершуле» Р.Н. Дёмина «Крестьянин-философ Тимофей Бондарев и древнекитайская школа аграриев (нун-цзя)». Школа аграриев изучена очень слабо, хотя по числу авторов и количеству сочинений практически не уступает другим школам. Ее мифологическим родоначальником ее представители считали «первоземледельца» Шэнь-нуна. Единственным занятием, действительно достойным человека, в этой школе считалось, очевидно, земледелие, все же прочие занятия рассматривались как большее или меньшее отклонение от естественного хода вещей. Известна, однако, дискуссия Сюй-синя, одного из ее представителей, с Мэн-цзы, в ходе которой последний показал внутреннюю противоречивость этических установок *нун-цзя*. Ее учение сходно с учением русского «крестьянина-философа» Тимофея Бондарева, который в своей книге «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледелия» (1906) проводил мысль, что только крестьянский труд является единственно достойным человека занятием и представляет собой единственное средство искупления первородного греха. Эта книга, ныне малоизвестная, в свое время оказала определенное влияние на русскую мысль, в частности на мировоззрение Глеба Успенского. Критика взглядов Т. Бондарева, развитая Н.Ф. Федоровым, во многом сходна с критикой школы *нун-цзя*, проведенной Мэн-цзы.

Однако философская компаративистика не может ограничиваться только обобщениями того, что уже хорошо известно и исследовано в философии Запада и культур Востока. Философ-компаративист всегда должен иметь в виду, что картина развития философии, которую он может нарисовать, зависит от того, кем и как собран материал, исследуемый потом востоковедами, и что осталось вне сферы интересов собирателя. На это обратил внимание д.филос.н., ведущий научный сотрудник ИВР РАН С.Л. Бурмистров в своем докладе «Научное наследие барона А.А. фон Сталь-Гольштейна». Предметом специального интереса Сталь-Гольштейна была Индия, и в 1903–1904 гг. он предпринял путешествие по Индии, где имел возможность тесно общаться с индийскими пандитами в Варанаси и изучать заинтересовавшую его индийскую музыку. Одним из важных аспектов его деятельности было собирание древних рукописей, и Россия обязана ему значительной по объему и любопытной по составу коллекцией индийских рукописей XVIII–XIX вв., которую он собрал во время своей поездки в Индию и которая позволяет до известной степени судить о том, какие сочинения были в ходу в то время среди индийских пандитов. Среди них имеются религиозные гимны, философские трактаты, художественные произведения. Хорошо известен, кроме того, и проведенный Сталь-Гольштейном анализ материалов, касающихся ранней истории Кушан. В частности, он исследует название «Кушаны» и показывает, что само это слово неверно и представляет собой результат ошибки или какого-то лингвистического недоразумения, а в действительности народ, основавший Кушанскую империю, называл себя *Kuśa*, а не *Kuśana*. Еще одним предметом специального интереса Сталь-Гольштейна было буддийское искусство. При

этом, конечно, он никогда не терял из виду и западную культуру, в сопоставлении с которой рассматривал и культуры Востока.

Среди других докладов, вызвавших интерес участников конференции, следует назвать «Дзэн: философия и искусство» К.С. Лобкова; «Деконструкция и философия мадхьямики-прасангики: сравнительный анализ» кандидата философских наук, доцента кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета С.М. Малкиной; «Осмысление „третьего возраста“ в философских традициях Востока и Запада» к.филос.н., доцента кафедры философии Калининградского государственного технического университета Н.В. Меднис; «Искусство и диалог культур в творчестве кн. Э.Э. Ухтомского» советника по культуре вице-мэра Санкт-Петербурга Ю.Н. Стрижак. Вопросы, поднятые докладчиками и участниками дискуссий, исключительно важны не только для разработки методологии философской компаративистики, но и для востоковедной науки, и исследование их может способствовать более полному пониманию философии стран Востока представителями цивилизации Запада.